

тересные темы привлекали и студентов других вузов. Я помню, например, что на лекцию, посвященную гипнозу, пришли студенты строительного института.

Так было и в тот раз, когда темой лекции была симуляция душевных заболеваний, для иллюстрации которой в университет привезли находящегося в судебном отделении больницы подсудимого, симулировавшего душевное заболевание. Для его доставки в университет коллеги отца по правоохранительным органам предоставили спецмашину и сопровождающего охранника. По пути замечу, что никакой специальной охраны в судебном отделении больницы не полагалось: считалось недопустимым наличие вооруженных людей в условиях специфического медицинского учреждения общегосударственного назначения. Двери судебного отделения так же, как и двери других отделений больницы, открывались и закрывались персоналом специальными съемными ручками, подобными тем, которыми проводники поездов открывают из коридора запертое изнутри купе.

Как всегда, в конце лекции отец пригласил в аудитории подэкспертного, провел с ним перед студентами продолжительную беседу, состоявшую, в основном, из вопросов и ответов, и убедительно развернул перед слушателями приемы демонстрируемой симуляции.

Вернувшись в больницу, этот человек попросил встречи с отцом, во время которой он чистосердечно признался в симуляции. Ведь будущи психически абсолютно здоровым и вполне адекватно ориентирующимся в ситуации человеком, он понял, зачем его доставили в университет, и что демонстрация на лекции означала полное разоблачение. В дополнение к этому в аудитории среди студентов он приметил свою знакомую односельчанку, предстать перед которой в таком качестве оказалось для него большим позором, чем в статусе "обычного" правонарушителя.

Но вернемся к Шибяеву. Не знаю, симулировал ли он душевное заболевание, или экспертиза была назначена в порядке особой тщательности и полноты проведения следствия по его делу, но он был помещен для обследования в судебное отделение больницы. В отделении он ни с кем не общался, был безучастен, целыми днями лежал, уставившись в потолок бесстрастным неподвижным взглядом. Шибяев не пользовался обычной больничной одеждой, а лежал в личном тончайшем и изысканнейшем заграничном белье (ему ли не пользоваться награбленным!). При этом он как-то вяло и категорично отказывался

от пищи. Было неизвестно, намекался ли он при этом демонстрировать симптомы душевного заболевания или такое поведение просто отражало его подавленное состояние.

Однажды в воскресенье, погожим летним днем, недалеко от центрального входа в больницу остановился небольшой грузовик какого-то непривычного вида и необычайной формы. Из него вышли несколько мужчин и направились к больнице, а машина тут же уехала. Из открытых окон нашей квартиры было хорошо видно и слышно все, что происходило снаружи, перед больницей.

Впоследствии отец не мог объяснить, повинувшись какому чувству он подошел к окну именно в тот момент, когда к больнице подъехал необычный грузовичок, и почему он обратил внимание на номер этой машины, запомнил его.

А через некоторое время в нашей квартире раздался непривычно продолжительный телефонный звонок. Это перезвонила телефонистка, дежурившая на больничном коммутаторе, обеспечивающем внутрибольничную связь. Она уже была осведомлена о случившемся и торопилась сообщить об этом отцу.

А случилось вот что. Приехавшие на грузовике мужчины беспрепятственно прошли к судебному отделению: день был посетительский, и дежурный у входа в больницу без ограничений пропускал всех, кто приходил. У входа в отделение эти "посетители" остановили первого проходившего мимо сотрудника, отобрали у него дверную ручку, открыли ею дверь, втолкнули его в отделение и вошли в него сами.

Растерявшемуся и обескураженному персоналу отделения было приказано немедленно собраться в столовой и лечь там ничком на пол: "Лицом вниз, руки за голову!". Не знаю, был ли Шибяев как-то предупрежден о готовящейся акции по его вызволению, но, увидев своих, он мгновенно прервал свое безучастно-меланхолическое состояние, вскочив с кровати с проворством упругого мячика

"А ну, ребята, выходи! Вас здесь не обижают?!" — обратились тем временем "посетители" к остальным обитателям отделения. Но те, не успев сориентироваться в происходящем, видимо, восприняли ситуацию как некую провокацию и в оцепенении не двигались с места.

Так что, кроме Шибяева, из отделения никто не ушел, тем более что вся операция была осуществлена молниеносно. Грузовик тем временем, отъехав от больницы, обогнул ее и ожидал бандитов со стороны Кривой Балки, граничившей с тер-

риторией больницы и отдаленной от нее ракушняковым больничным забором, через пролом в котором я и моя подруга, жившая на Кривой Балке, бегали в гости друг к другу.

Покидая отделение, "гастролеры", рассчитав довольно точно время, необходимое, для того чтоб добраться до грузовика и скрыться, запретили находившемуся в столовой персоналу покидать ее раньше, чем пройдет указанное ими время. Так что звонок отцу последовал тогда, когда банда со своей добычей была уже далеко.

Разумеется, это событие вызвало большой переполох в соответствующих инстанциях, и о нем немедленно было сообщено в Москву. Поиски по горячим следам успеха не принесли. По номеру грузовика, который запомнил отец, разыскали владельца машины. Им оказался демобилизованный из армии офицер, который привез грузовик в качестве трофея по окончании войны. Он сдавал машину в аренду, не очень интересуясь теми, кто ее арендовал. Разумеется, братва, заполучив в аренду машину, оставила в залог какие-то фальшивые документы. Поэтому этот путь тоже не вывел на след преступников.

С высвобождением Шибяева ко мне вернулись прежние страхи: я боялась нападения бандитов, а Шибяев, которого я никогда не видела, представлялся мне грозным верзилкой, еще больше бесчинствующим после своего похищения из больницы и избавления от тюрьмы. Я ни с кем не делилась этими своими страхами, но изредка робко интересовалась у отца, не изловили ли Шибяева снова, на что отец обещал незамедлительно сообщить мне, когда это произойдет.

И однажды с торжествующим видом он сказал мне: "Радуйся! Шибяева задержали!". Его взяли спящим, у него под подушкой лежали два заряженных пистолета, которые он не успел привести в действие. Я спросила у отца: "А какой он из себя, этот Шибяев?". И папа мне с загадочным видом ответил вопросом на вопрос: "Ты помнишь человека на галерее во дворе на Молдаванке?". Конечно, я его помнила! Его мрачный облик мгновенно возник перед глазами.

Но из ответа отца я не поняла, что он имел в виду: был ли тот человек Шибяевым, или просто был на него похож. Тогда я так и не уточнила у отца, и не знаю этого до сих пор. Но так ли уж это важно?..

P. S.

После этого происшествия судебное отделение в больнице упразднили и организовали соответствующее подразделение в других, более подходящих для него условиях.

Николай ПРОКОПЕНКО СТИХИ

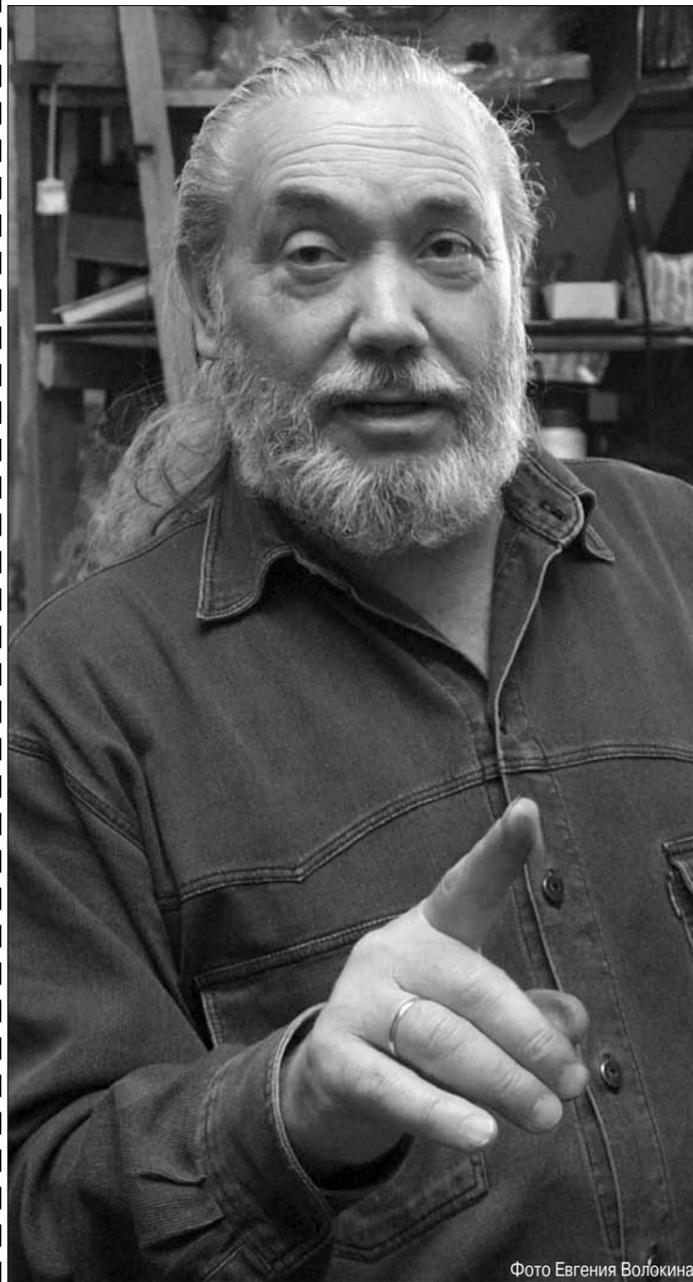

Фото Евгения Волокина

Заслуженного художника Украины Николая Прокопенко знают и любят многие ценители изобразительного искусства.

Но как и многие художники, во всяком случае, в Одессе, — Олег Соколов, Николай Степанов, Игорь Божко, Александр Дмитриев и многие, многие другие, — Николай Прокопенко своеобразный образный поэт. И кто знает, может, его живопись берет исток в его стихах?

Е. Г.

Фонари горят — цвета желтого,
Я лежу на боку
истоптанном

Висит Луна,
А на Земле — Она,
Висит Земля,
А над Землей — Луна.

Фонари горят
цветом оранжевым —
На моей душе упование.
Может цвет оранжевый
Не сойтись с синеющим
на устах нетронутых.

Яблоки созрели
в августовскую ночь.
На заре слетели
в седую траву —
Все воспоминания о жизни —
прочь!

...Стоит жара —
Печаль цветет,
Маслина пожелтела...
А годы длинные —
Спать пора,
И сердце жжет
За все унылое.
Луна белеет,
Трава — седеет.
Запах осени дряхлеет
На краю Земли.

Как Дождь собрать
с небес Вселенной
И слить в Один сосуд Любви...
Так время Детства улетает,
переходя с кромешной тьмы
На Синий свет.

Висит Луна,
А на Земле — война,
Висит Луна,
А на Земле — Зима,

Дождь...
Как тую оконный
Провис перегородкой
предо мной,
Он закрывает сад
вишневый
И заставляет видеть путь
сплетенный
Из миллиардов тысяч Лоз...